

зомкнут вовне, он весь – зона диалогического контакта. Однако ведущий диалог «Записок» – «...диалог внутри главного сознания» [Корман 2006: 117].

Для Д.И.Фонвизина же не столь значима оценка читателя, не важно, современника или потомка, для него главное – диалог с Богом, напряженное ожидание ответа на его признание-молитву.

Литература

Бахтин М. Эстетика словесного творчества / М.Бахтин. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.

Державин Г.Р. Записки / Г.Р.Державин. — М.: Мысль, 2000. — 334 с.

Корман Б.О. Избранные труды: Теория литературы / Б.О.Корман. — Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2006. — 636 с.

Псалтирь с толкованиями. — М.: Сподвижник, 2008. — 910 с.

Растягаев А.В. Чистосердечный Фонвизин / А.В.Растягаев // Электронный журнал «[Знание. Понимание. Умение](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/)». — 2009. — №5 — [Филология](http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/). URL <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/5/> (дата обращения 19.02.2014)

Фонвизин Д.И. Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях / Д.И.Фонвизин // Фонвизин Д.И. Избранное. — М.: ОГИЗ Гослитиздат, 1946. — С. 192-214.

М.Н.Муравьев и Г.Р.Державин

**(К проблеме появления в истории русской поэзии
нового жанра – стихотворного романа)**

С.А.Сионова

ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
(Елец)

Ключевые слова: Г.Р.Державин, М.Н.Муравьев, стихотворный роман

Проблема, поднятая в статье, представляет собой интерес в плане рассмотрения предтечи романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Профессор В.А. Западов в частной беседе не единожды высказывал оригинальные мысли, отличающиеся от традиционных мнений. Так, например, он утверждал, что пьеса Д.И. Фонвизина «Недоросль» - это первая русская реалистическая комедия, следует только вчитаться внимательно в текст, и станет все ясно. А «Евгению. Жизнь Званская» Г.Р. Державина

– это первый русский роман в стихах, а «Евгений Онегин» А.С. Пушкина – это уже вслед за Державиным.

Мнения В.А. Западова, на наш взгляд, имеют под собой основу. Уникальный знаток поэзии Державина, истории русской поэзии в целом, он заставлял думать несколько по-другому, видеть поэзию второй половины XVIII века изнутри, в контексте становления того или иного поэта, чётко определял значимость каждого из них. Тем более интересно проследить истоки нового литературного жанра романа в стихах как явления второй половины XVIII – начала XX веков.

А.С. Пушкин писал князю П.А. Вяземскому 4 ноября 1823 года из Одессы: «Что касается до моих занятий – я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница. Вроде «Дон Хуана» - о печати и думать нечего»¹. Пушкин и сам пытался разобраться в том, что он творит. В литературоведении сложилось мнение, что он подражатель Байрона, да и сам он об этом заявляет. Интересным представляется факт выявления первоисточников подобного жанра у поэтов – предшественников, новаторов поэтического слова XVIII века – М.Н. Муравьева и Г.Р. Державина.

Во второй половине XVIII века в поэзии накопилось достаточно новаций, которые способствовали новому взгляду на жизнь, появлению новых героев, а главное – создание живого образа автора, входящего непосредственно в текст стихотворного произведения, где он является основным действующим лицом. В творческой биографии Державина явление автора в «Фелице» стало основным, что обусловило его высоту и оригинальность. Это не осталось без внимания современников. М.Н. Муравьев отмечал: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый из нас испытал Перепутаж в оде «К Фелице», довольно остроумно... довольно издевательски и свободно».² Этой же свободой слова пользовался Державин и в «Жизни Званской». Свобода была в изъяснении мысли, глубокой лиричности, самобытности окружающей природы, особом воспроизведении сельской жизни. Те открытия, которыми отличалась поэзия Державина, задолго до его появления были обозначены в поэтических текстах М.Н. Муравьева. В 1775 году он смело заявил об изменении своего отношения к поэзии, установления «чувствительности» как основного фактора раскрытия душевного состояния поэта, которое достойно стать главной темой поэтического творчества. Отказ от основной поэтики XVIII века является главным внутренним ощущением поэта. В оде десятой, озаглавленной «Весна. К Василию Ивановичу Майкову», в заключительных строках автор заявляет:

Я прежде пел сраженья звучны,
А днесь гласил растенья тучны,
В полях биющие ключи;

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин. СПб: Академический проект, 1993. С.241.

² РНБ, ф.499. №30. С.73.

Ты брани петь меня наставил,
А я тебе сей стих составил
Во знак чувствительной души.

1775

Л.И.Кулакова определила это положение новой эстетики Муравьева как бунт против многовековой традиции¹. Этот бунт привел к тому, что появились новые тексты произведений, например, «Послание к А.М.Брянчанинову» (1783 г.). Оно представляет собой значительное по объему стихотворение, которое более относится к попытке освоения нового жанра – романа в стихах. Подобными являются стихотворения «К Феоне» (1778 – 1779 гг.), «Итак, опять убежище готово...» (сент.1780), «Сожаление младости» (1780 г.). «Письмо к Феоне» (1779- 1780?). Муравьев тяготеет к эпическому рассказу-размышлению о том, что его волнует, что он видит вокруг уже в более зрелом возрасте, имея уже определённый жизненный опыт, когда перешагнул свой бунт и стал объяснять окружающий мир при помощи поэтического слова. Особой поэтичностью отличаются, к примеру, стихи «Итак, опять убежище готово», адресованное сестре Федосье Никитишне, где создается идеальный образ сестры на фоне удивительной сельской природы:

Итак, опять убежище готово,
Где лениости свободно лъзя дышать.
Под сень свою, спокойное Берново,
Позволишь мне из Твери убежать.
Но кто идет из терема знакома
С веселостью и лаской на лице?
Не госпожа ль гостеприимна дома
Гостей своих встречает на крыльце?

Риторические вопросы обращают пристальное внимание автора на происходящие события, касающиеся их обоих, близкую родственность этих людей, лиричность отношений, а главное любовь, которую они испытывали друг к другу на протяжении всей жизни:

О, милый друг, чувствительный и нежный,
Сестра моя, ты в руки к ней спешишь,
Ты здесь себя в сей жизни безмятежной
Дыханием свободным оживишь.
Ты любишь сень безмолвную Бернова,
И древний дом, и плодоносный сад.
И этот холм, что рощи глыбь сосновой,

¹ Кулакова Л.И. М.Н. Муравьев. Стихотворения. Л., Ленинградское отделение: Советский писатель, 1967. С.23.

И мельницы шумящий водопад.

Формирование поэтического образа сестры происходит в письмах Муравьева к сестре. Например, письма Муравьева за 1777 – 1779 года:

«Октяб. 20 дня СПб. Матушка, сестрица Федосья Никитишна! Твое нынешнее письмо меня немножко успокоило. Ты скучаешь! Я тебя воображаю сею тихою, нежною Фешенькой, вспоминаю разговоры твои, разум, руками природы украшенный, сердце, чувствующее дружбу и человеколюбие. Будь весела, умна и обнимаемся».¹

Образ сестры закономерно перешел в поэтическую тему, по словам А.С. Пушкина «большого стихотворения». В предисловии к первой главе «Евгения Онегина» в середине февраля 1825 года он отметил: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено».² Поэт обозначает первую главу и перспективу своего романа как «большое стихотворение».

Новация «больших стихотворений» Муравьева заключается в первую очередь в создании реальных образов реальной действительности, где истинные люди – друзья, родные – становятся основными героями «больших стихотворений». Это стало естественным проявлением нового литературного романтического направления, близко подходившим к созданию реальных образов и событий, обозначенных как новое литературное направление второй половины XVIII века как реализм. Живая жизнь, быт, бытописание входили в поэзию, становились предметом исследования и представления в литературе новой эпохи, нового поэтического слова.

В истинном содружестве творили Муравьев и Державин, они творили новую эпоху, которая отличалась от предыдущей энциклопедически развитыми людьми: (Н.А. Львов, друг Муравьева, Евгений Болховитинов, друг Державина).

Митрополит Евгений Болховитинов (1767 – 1837) был яркой, известной личностью второй половины XVIII века. В декабре 1767 года в Воронеже в благочестивой многодетной семье родился Евгений, который при крещении получил имя Евфимий. Это был незаурядный человек, открывший свою дорогу в жизнь трудолюбием, любознательностью, преданностью наукам, языкам и др. Киевский митрополит Филарет отмечал: «Нельзя не удивляться тому, какое множество переработал он (Евгений – С.С) старинных рукописей, актов и книг, какими он обладал трудолюбием и ученостью. Митрополит Евгений Болховитинов собрал богатейший материал не только для церковной русской истории, но и вообще для истории русской литературы».³ Почетный член многочисленных академий, в том числе и почетный член Казанского общества любителей отечественной словесности, в 1817 году он был избран почетным членом Харьковского и Казанского университетов. В 1818 году он – член комиссии

¹ ГИМ, ф.455, ф. Черткова. Письма М.Н. Муравьева за 1777-1779 гг.

² Пушкин А.С. Там же. С.242.

³ Стаднюк А.И. Митрополит Евгений Болховитинов // Записки краеведческого общества. Выпуск 1. Липецк, 1995. С.65-86.

составления российских законов и почетный член Санкт-Петербургского вольного общества Любителей Российской словесности. В 1826 году – почетный член Виленского университета и Виленской академии наук. В 1827 году избран почетным доктором философии Дерптского университета. В 1829 году он – почетный член Санкт-Петербургского университета. В 1834 году – почетный член Киевского св. Владимира университета. В 1835 году – член – корреспондент статистического отделения совета министров внутренних дел.

Понимая недостижимую высоту этого человека, нельзя не удивляться его простоте и скромности в обыденной реальной жизни, в которой он самоотверженно нёс свой христианский крест смирения, терпения и благоговения; в то же время был строг к себе и людям, находившимся на службе у Бога. Евгений Болховитинов – историческое явление в жизни нашего отечества.

Пути-дороги жизни Болховитинова и Державина сходились не единожды. Болховитинов удивлял поэта преданностью наукам: трудолюбием, обширным кругозором, глубоким познанием литературы, поэзии, истории философии, политики, иностранным языкам, которыми владел в совершенстве. Болховитинов был истинным патриотом Отечества. История народа, фольклорные предания, краеведение давали ему возможность открывать и постигать родные пенаты. Так, он является автором глубокого исследования Воронежского края, родных с детства мест: «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800 г.) Данное научное исследование основано на архивных документах, рукописных материалах, народных легендах и преданиях. Пройти мимо такой гениальной личности, каким был Болховитинов, просто было невозможно и несправедливо. А потому Державин посвятил ему одно из своих уникальных поэтических произведений «Евгению. Жизнь Званская». Лаконично и просто название произведения, но оно проясняет идею текста, сразу ориентирует читателя на конкретную личность, может быть, хорошо знакомою и читателям. И хотя образ Евгения опосредован, представлен желанием автора видеть рядом друга, которого он безмерно ценит и жаждет видеть рядом, чтобы вместе с ним разделить те чувства, которые испытывает в сельской жизни стареющий Державин.

Неторопливый стиль повествования, описание развлечения охоты, окружающих прелестей природы, летних дней представлены обольстительно, в стиле Державина, поэтического гения того времени. Деревенский мир настолько широко и многообразно представлен, что пленяет своим богатством красок, умиротворением и спокойствием во взаимоотношениях с людьми. В частности, представлено авторское восприятие действительности, например, картина утра напоминает муравьевскую зарисовку: «Восход зари всегда поутру зри» или картины «Сельской жизни. К Афанасию Матвеевичу Брянчанинову»:

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных –
Жизнь сельская зовет согласия мои,
В долинах, муравой цветущею устланных,
Где Лухта льет тебе прозрачные струи.
Где ты из терема, куда не кинешь взоры,
Повсюду мирное свое владенье зришь.

<1770>

У Державина сельское утро подвижно, оно полно жизни:

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходящее,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертящее.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги:
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Утро поэта полно забот и вдохновенного зрелищного описания действительности.

Где с скотен, пчельников, и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.
В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.
Где также иногда по биркам, по костям
Усатый староста или скопидом брюхатый
Дает отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

Интересно, что поэт создает живые характеры, при этом используя юмор и усмешку, чётко раскрывая своё отношение к происходящему. Не случайно подробные картины счастливой жизни сельского обитателя адресованы другу: они покоряют, увлекают Евгения, делают мир отдохновения прекрасным, насыщенным приятными картинками-заботами о происходящих событиях. Не забыты подвиги предков, портретами которых увешан дом:

О славных подвигах великих тех мужей,

Чьи в рамах по стенам златых блистают лица.
Для воспоминаний их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,
В которой поутру или ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах и журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

Лёгкость восприятия сельской жизни, адресованной Евгению, позволяет удивиться и в то же время по-своему предположить, каков же день «утром, в обед, вечером» и задаться вопросом: «Когда же именитый поэт, вдохновлённый своей музой, творит бессмертные произведения?». И в данном случае он остается верным себе, на встречи с музой, вдохновением он оставляет вечер, когда философская, лирическая мысль позволяет обратиться «к друзьям, к небу». Но и здесь предметом восхищения является сельская жизнь:

Оттуда прихожу в святилище я муз
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире.
К царям, к друзьям моим иль к небу возношусь
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Традиционно сложилось так, что из «Жизни Званской» выделяют и цитируют строки об обеде. Палитра художника слова вдохновенна и проста в изъяснении желаний и создании пластических образов. Вероятно, данная часть текста позволяет быть воспринятой как лирическое отступление, где господствует восхищение и преднамеренное приукрашивание сельской жизни Званки, её обитателей:

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол – и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.
Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяна желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь – икра, и с голубым пером
Там щука пестрая – прекрасны!

Картины пасторальной жизни сменяются философским рассуждением о жизни и смерти: на склоне дня, к вечеру, когда блеск звезд затмевается к ночи, автор рассуждает о тленности жизни (в херасковском стиле):

Так самых светлых звезд блеск меркнет от ношей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! И даже прах спашнет моих костей

Сатурн крылами с тленна мира.
Разрушится сей дом, засохнет бор и сад.
Не вспомнянется нигде и имя Званки:
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Картины ухода из жизни Званки, её обитателей наводят грусть и рассуждение о бренности и тленности мира, но это только усиливает понимание сиюминутной прелести настоящего, к которому Евгений Болховитинов должен прибыть, ибо всё преходяще и следует ловить мгновения счастья. Этой мысли подчинены заключительные строки стихотворного повествования, которые вполне возможно отнести к лирическому отступлению. Надежда на спасение от рассуждений о жизни и смерти определённо высказана в последних строках, когда в вечности, по мнению автора, остаются добрые дела, которыми наполнена жизнь Евгения, и творчество, которое остаётся во времени. Вполне возможно предположить, что ради этих тайных мыслей об окончании пути земного автор призывает Евгения к посещению Званки. Своеобразный монолог аккордно звучит в надежде на дружеское послание, а главное – понимание того, что жил не зря, что многое сделал в этой жизни:

Так. В мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзвывы
От лиры моя шумящею рекой
Неслись чрез холмы, доли, нивы.

Ты слышал их, - и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ Севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь Бога жил певец, Фелицы».

1807

«Большое стихотворение», как обозначил Пушкин роман в стихах «Евгений Онегин», предполагает определённый конфликт, значительное развитие сюжета, оригинальную композицию, развязку действия. У Державина в тексте нет социального конфликта, наоборот, идиллические картины перемежаются друг с другом. Автор, основной герой произведения, находится в роли наблюдателя живых картин:

Дворовых, между тем, крестьянских рой детей
Сбирается ко мне не для какой науки.
А взять по несколько баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.
Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух, как на овечках,

Репейник вычищать, - хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Он счастлив в обители Званки, если и есть конфликт, то только с самим собой. Но и этого вполне достаточно, чтобы отразить в стихотворном тексте один из счастливых дней родных пенатов. Читатель отчётливо представляет живые бытовые картины того времени, что вполне достаточны для представления о жизни поэта уже далекого времени. Неизвестно, какую роль сыграло это послание для Евгения, отозвался ли он на призыв поэта, хотя известно, что неоднократно посещал Званку, но в истории русской поэзии остались удивительные стихи, которые раскрыли до конца гениальный талант Державина, надеявшегося на то, что память о нем сохранится на века. Не случайно последние строки послания мудрый Державин адресует своему другу, который в это время собирал материалы для исторического словаря русских писателей: «Здесь Бога жил певец, Фелицы» – то есть автор од «Бог» и «Фелица».

Естественно, что державинский роман в стихах требует пристального изучения. Но вполне смело можно заявить, что стихотворные произведения М.Н. Муравьева, Г.Р. Державина стали предтечей появления пушкинского «Евгения Онегина».

Литература

Державин Г.Р. Избранная проза / Г.Р. Державин. – М., 1984. – С. 380 -381.

Державин Г.Р. Сочинения / Г.Р.Державин – Л., 1987. – С.465 – 466.

Дмитрашков К. Исторические сведения о жизни и трудах митрополита Киевского Евгения Болховитинова. Руководство для сельских пастырей / К. Дмитрашков. – 1867. – № 34. – С.62.

Западов В.А. Поэтический путь Державина. Державин / В.А. Западов. – Л., 1981.

Западов В.А. Русский стих XVIII – начала XIX века / В.А. Западов. – Л., 1981.

Ивановский А. Митрополит Киевский и Галицкий Евгений Болховитинов / А. Ивановский. – СПб, 1872. – С.3.

Макогоненко Г.П. Поэзия, воссоздающая «истинную картину природы» / Г.П.Макогоненко // Г.Р.Державин. Сочинения. – Л., 1987. – С.3-26.

Никольский П. Воронежская старина / П. Никольский. – Вып. XI. – Воронеж, 1912. – С.287 – 288.

Русские поэты. Антология. – Т.1. – М, 1989. – С.118–154.

Скатов Н. Русский гений / Н. Скатов. – М., 1987. – 351 с.

Стаднюк А.И. Митрополит Евгений Болховитинов / А.И. Стаднюк. // Записки краеведческого общества. Вып.1. – Липецк, 1995. – С.65-86.

Шмурло Е.Ф. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни / Е.Ф. Шмурло. - СПб, 1888.